

На самом деле Хуан Баньсянь не боялся, но его беспокоило, какова же конечная цель всего этого.

— Наконец-то нашли магазин с гуцинями, — Сыту указал на вывеску с большим иероглифом «Цинь» на магазине впереди и быстро повёл Сяо Хуана туда.

Войдя в уютный магазин, они увидели множество гуциней, выставленных в зале. Сыту подтолкнул Сяо Хуана вперёд:

— Какой тебе нравится? Выбирай, или купим все?

Хуан Баньсянь уже хотел отказаться, как вдруг из внутреннего помещения раздался звон украшений, и в воздухе разлился сладкий аромат. Мягкий голос с улыбкой произнёс:

— Мои гуцини продаются только тем, кто с ними связан судьбой.

Занавеска из бус раздвинулась, и из внутреннего помещения вышла молодая женщина, одетая в белое. Она была красива, но её белая одежда была не просто белой — это был настоящий траурный наряд.

Сыту про себя пробормотал что-то недовольное и уже хотел уйти, но женщина спокойно сказала:

— В Ханчжоу мои гуцини — лучшие.

Остановившись, Сыту слегка нахмурился. Хотя женщина говорила мягко, он понимал, что она обладает высоким мастерством. Когда они остановились, женщина спросила:

— Вы хотели купить гуцинь?

Сяо Хуан, увидев, что женщина выглядит достойно и изящно, не похожей на злую, кивнул.

— Вы хозяйка магазина? — Сыту повернулся к ней. — Как ваше имя?

— Моё имя Яо, — женщина слегка поклонилась. — Меня зовут Цинь, в Ханчжоу меня называют Цинь-нян.

— Хм... — Сыту улыбнулся. — Так в Ханчжоу у вас два имени?

Сяо Хуан не смог сдержать смехок, и Сыту, увидев, что его настроение улучшилось, тоже обрадовался.

Женщина сначала удивилась, но затем тоже засмеялась:

— Меня так звали много лет, и только сегодня я это заметила...

Смеясь, она налила чай и пригласила Сыту и Хуан Баньсяня сесть. Её движения были изящны и уверенны, совсем не похожи на манеры скромной южанки. Сыту подумал, что эта женщина определённо не проста.

Яо Цинь села и внимательно осмотрела обоих, затем остановила взгляд на Хуан Баньсяне и с улыбкой спросила:

— Молодой господин хочет купить гуцинь?

Сяо Хуан кивнул и снова посмотрел на Сыту. Тот улыбнулся и погладил его по голове:

— Я в этом не разбираюсь, выбирай то, что тебе нравится.

Сяо Хуан уже с первого взгляда заметил один гуцинь. Это был старинный инструмент, его корпус был тёмно-зелёного цвета, без каких-либо украшений, только в левом нижнем углу были вырезаны две серебряные рыбки, очень похожие на узор на его нефритовом кулоне. Этот гуцинь стоял в углу комнаты, среди множества богато украшенных инструментов, и казался совершенно неприметным.

— Этот, — Сяо Хуан подошёл и осторожно взял гуцинь.

Сначала Сыту был удивлён, думая, что мальчик мог выбрать любой инструмент, но почему именно этот старый? Однако, когда Сяо Хуан поднёс гуцинь ближе, Сыту увидел узор с двумя рыбками и сразу понял его выбор. Он повернулся к Яо Цинь:

— Мы берём этот. Назовите цену.

Яо Цинь с удивлением посмотрела на Сяо Хуана, задумалась и спросила:

— Почему вы выбрали именно этот гуцинь?

Хуан Баньсянь осторожно коснулся гуциня:

— Мне кажется, он... родной.

— Этот гуцинь я получила в детстве от одного странника, — Яо Цинь улыбнулась и положила чашку. — В то время я была маленькой, и в нашу деревню пришёл человек, умевший играть на гуцине. Он пробыл там несколько дней, а перед уходом оставил мне этот инструмент, сказав, что однажды за ним придёт тот, кому он предназначен.

Сыту усмехнулся:

— А как узнать, кто этот человек?

Яо Цинь взяла гуцинь:

— Этот человек называл себя Первым Странником. Он сам сделал этот гуцинь и написал на обратной стороне два стиха. Тот, кто угадает эти стихи, и есть тот, кому он предназначен.

Сыту поднял бровь. Этот человек действительно был странным. В мире так много стихов, как можно угадать, какие именно он имел в виду? А если он сам их придумал, то это вообще невозможно. Он посмотрел на Сяо Хуана, который, казалось, задумался, глядя на гуцинь и молча.

— Молодой господин, хотите попробовать угадать? — снова спросила Яо Цинь.

Хуан Баньсянь очнулся и, не раздумывая, тихо произнёс:

— Горы высокие, реки текут, гуцинь звучит трижды, луна светит, ветер свежий, вино в кубке.

Яо Цинь замерла, уставившись на Сяо Хуана, и наконец покачала головой:

— Это невероятно... Он сказал, что через семнадцать лет кто-то придёт за ним, и это правда.

С этими словами она протянула гуцинь Сяо Хуану:

— Этот гуцинь ваш. Его не нужно покупать, он просто хранился у меня.

Сяо Хуан взял гуцинь и перевернул его. На обратной стороне действительно были две строки стихов: «Горы высокие, реки текут, гуцинь звучит трижды, луна светит, ветер свежий, вино в кубке». В правом нижнем углу была красная печать с иероглифом «Инь».

Сыту широко раскрыл глаза, увидев иероглиф «Инь» и почерк стихов, который был идентичен надписи на кулоне Сяо Хуана.

— Этот человек... как он выглядел? — Сяо Хуан обнял гуцинь и посмотрел на Яо Цинь.

Та задумалась:

— Точного описания не помню, но он всегда улыбался, говорил несерьёзно, но его улыбка была красивой, глаза...

Она посмотрела на Сяо Хуана.

— ...глаза были похожи на ваши, миндалевидные, а когда он улыбался, они становились как полумесяцы.

— Как его звали? — спросил Сяо Хуан.

— Не знаю, — Яо Цинь покачала головой. — Он называл себя Первым Странником, ах!

Она вдруг вспомнила.

— Он очень любил пить, и однажды, будучи пьяным, сказал, что он Первый Печальный.

— Понятно... — Сяо Хуан не показал особых эмоций, только кивнул и с лёгкой улыбкой посмотрел на гуцинь.

Сыту почувствовал странность, особенно после слов Яо Цинь о том, что «через семнадцать лет кто-то придёт». Это звучало слишком загадочно.

Сяо Хуан, держа гуцинь, повернулся к Сыту, словно спрашивая: «Пойдём?»

Сыту очень нравилось, когда мальчик так смотрел на него, с полным доверием. Если он говорил «идём», тот послушно шёл за ним, если «останемся», то спокойно ждал. Он слегка кивнул и встал, чтобы попрощаться с Яо Цинь. Перед уходом он как бы невзначай спросил:

— Вы, случайно, в трауре?

Яо Цинь не обиделась на вопрос, улыбнулась и кивнула:

— Да... Я ношу траур по одному человеку.

— Вы так легко говорите об этом, не против, если я спрошу, по кому вы носите траур? — продолжил Сыту.

Яо Цинь засмеялась и покачала головой:

— Не против, не против, он давно умер.

Сяо Хуан слегка потянул Сыту за руку, словно упрекая его. Он видел, что улыбка Яо Цинь не дошла до глаз... и уж тем более до сердца. Если она так долго носила траур, значит, она действительно страдала.

— Он умер так давно, что я почти забыла его имя, знаю только, что он был одним из самых несчастных.

Яо Цинь ответила легкомысленно, вставая и провожая их к выходу.

Сыту не стал задавать больше вопросов и вышел из магазина первым. Сяо Хуан шёл позади и, перед тем как выйти, обернулся и посмотрел на Яо Цинь. Она стояла у двери, и на её лице была лёгкая растерянность, в глазах — лёгкая влажность... Видимо, она всё же вспомнила о своём горе.

Яо Цинь не ожидала, что Сяо Хуан обернётся, и поспешила скрыть свои эмоции, но было уже поздно. Она почувствовала досаду, но увидела, как Сяо Хуан спокойно смотрит на неё, слегка улыбается и тихо говорит:

— Береги себя.

Она смотрела, как Сяо Хуан и Сыту уходят. Пройдя несколько шагов, Сыту протянул руку, чтобы помочь с гуцинем. Сяо Хуан покачал головой, настаивая на том, чтобы нести его сам. Сыту не стал настаивать, взял его за руку и что-то тихо сказал на ухо, вероятно, что-то вроде: «Если устанешь, скажи, я помогу...», потому что Сяо Хуан засмеялся так радостно.

<http://bllate.org/book/15274/1348309>